

ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ

II. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК.

УДК 103.2

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СИСТЕМНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

С.Н.Борисов¹⁾, С.В.Резник²⁾, В.П.Римский³⁾,

¹⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78,
e-mail: sborisov@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: reznik@bsu.edu.ru

³⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В статье предпринята попытка системно-философского анализа феноменов тоталитаризма и терроризма, которые синергетически вплетены в системное поле и культурно-цивилизационное пространство традиционализма и современности.

Ключевые слова: терроризм, тоталитаризм, модерн, постмодерн, феноменология, системно-культурологический анализ.

Введение

Конец XX столетия был ознаменован не только падением коммунистических режимов, но и разрушением многих идеологических стереотипов относительно самой сущности «современной цивилизации». Это отразилось в теоретических декларациях о «конце истории» и «конце идеологии», о «постсовременности» и «посттоталитаризме» и т.п. Сейчас очень модно стало говорить о «глобализме» и «терроризме», о торжестве «глобальной цивилизации», «демократии», «свободы» и «общечеловеческих ценностей». На наш взгляд, все эти декларации и заявления содержат в себе неприкрытые идеологические интересы западной цивилизации, которая слишком рано празднует победу «идей либерализма и демократии» во всем мире.

Терроризм и антиглобалистское движение, альтернативные варианты глобализма, на которые начинают претендовать некоторые регионы (Индия, Китай, Латинская Америка, Россия), длительная стагнация экономики Японии и экономический спад в США говорят о том, что западные экономические механизмы, социальные институты, ментальные конструкции и соответствующие им теоретико-идеологические конструкты переживают кризис и проверку на культурно-историческую прочность. Очевидно, что мы можем стать свидетелями конца одного большого комплекса мифов, обслуживавших в течение 500 лет один (!), - не универсальный, а столь же «уникальный», как и другие, - культурно-цивилизационный проект. С этой научно-критической точки зрения и следует прежде всего изучать и феномен исторического и современного терроризма.

Основная часть

Как феномен терроризма вошел в повседневность современного мира, так и понятия, связанные с этой культурной реалией прочно вписаны в коммуникативную практику не только специалистов, но и широких слоев населения. Обилие литературы по этой проблеме может соперничать только с количеством точек зрения по ее

решению. Однако, общепринятого определения понятий «террор» и «терроризм» до сих пор не сложилось.

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом прежде всего жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисона и С. Маллисона определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Таким же недостатком обладает определение терроризма, данное сотрудником Государственного департамента США Д. Лонгом, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на политически, социально обусловленное насилие. Применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным властям. Такой подход в определении терроризма вполне приемлем для юридической фиксации данного явления. Он нашел отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г. Между тем достаточность такого определения терроризма для юридического применения совсем не соответствует требованиям междисциплинарного научно-гуманитарного анализа.

Нередко отождествление терроризма с таким явлением как война, партизанская война или гражданская. Ряд авторов, М. Либиг, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П. А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш, говорят о терроризме как особой форме войны, не выделяя его как самостоятельный феномен. М. Либиг не отрицает социально-экономическую, национальную, этническую и идеологическую обусловленность терроризма, однако истинные причины, по его мнению, кроются в политической заинтересованности государств в таком эффективном средстве реализации своих интересов как терроризм. Фон дер Хейдте определяет терроризм как современную нерегулярную малую войну, которая характеризуется нерегулярными боевыми действиями, длительностью, специфическими «террористическими» тактиками. Необходимо отметить общую основу для сопоставления войны и терроризма – *насилие*. Подчас схожи цели и методы войны и терроризма, особенно при сопоставлении политического террора и войны в ее классическом понимании.

Помимо того, обладая рядом других недостатков: сведение терроризма к физическому устранению политических лидеров и военно-политическому насилию подменяет понятие «терроризм» узким понятием «террористический акт». Все вышеперечисленные смыслы террора и терроризма, так или иначе, возводят проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, тем самым не рассматривается ни религиозная природа терроризма, ни его глобализационная специфика в эпоху постмодерна, характеризующимся «метегосударственностью», не всегда обусловленной политической борьбой.

Терроризм на данный момент достаточно изучен и с позиций психологии (Д. Ольшанский, М. Коупленд), политологии (К. Попов, К. Жаринов, А. Хинштейн), военной науки (М. Либиг, А. Фрайхер фон дер Хейде, Л. Ларуш и др.), экономики (М. Чандлер, Р. Зелик). Но очевидна не только ограниченность привязки феномена терроризма к политике или социальной сфере, но и к социальной психологии. Вышеизложенные понимания и концепты вполне уместны для обозначения терроризма века XIX и начала XX, когда этот действительно носил преимущественно политический и социально-психологический характер (начиная с террора Великой французской революции и заканчивая государственным террором тоталитарных государств). Но события 11 сентября 2001 года уже не укладываются в формулу политического терроризма, как и трагедия сентября 2004 г. в Беслане.

Феномен терроризма, на наш взгляд, мало исследован в философско-культурологическом, религиоведческом и культурно-антропологическом пространстве (если не считать философско-культурологических работ О. Аронсона, А. Никитаева и некоторых других). Необходимо при оценке тех или иных политических событий, связанных с терроризмом, как и при экспертизе антитеррористических программ и мероприятий учитывать социокультурную, культурно-идеологическую, культурно-антропологическую, этнокультурную и религиозную специфику феномена терроризма. Терроризм конца XX - начала XXI века, понятие «современный терроризм», требуют нового определения.

Собственно, от такого понимания феномена терроризма мы и отталкивались, приступая к работе над кандидатскими диссертациями по соответствующей проблематике и реализации исследовательских проектов в рамках федеральной программы «Университеты России». На данный момент мы можем отметить, что нашим коллективом созданы предпосылки для утверждения нового научного направления в исследовании культурно-исторической феноменологии и антропологии терроризма в контексте различных культурно-цивилизационных систем, в которых и создаются различные основания социокультурных деформаций и появления антисистемных террористических формообразований. Наиболее значимые результаты по проблематике наших исследований и проектов можно кратко свести к следующим положениям.

Было установлено, что во всех социокультурных кризисах, так или иначе сопровождавших великие цивилизационные трансформации, всегда система как бы *соскальзывает* назад в культурно-историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, отживших форм (это мы и наблюдаем в современной России). Подобный революционный откат всегда приводил и будет приводить к *упрощению* системы. Но простота, унификация связана с воспроизведением социального однообразия, примитивной целостности: социальный хаос не может продолжаться бесконечно, система требует стабилизации и всегда идет по самому легкому, простому пути – устанавливается диктатура, военный режим правления и экономической деятельности, не обладающие легитимностью и поддерживающие свое существование *террором*.

В этих условиях и возникает феномен антисистемы. *Антисистемы*, возникающие в недрах различных культурно-цивилизационных миров (христианского, исламского), оказываются той культурной *«парадигмой»* и *матрицей*, которая воплощается в тоталитарных системах и сопровождающих ее функционирование террористических клонах, в соответствующих *террористических архетипах* и *социокодах*. Это связано с тем, что все антисистемы, к которым можно отнести революционно-террористические и крипто-тоталитарные секты и организации, характеризуются высокой степенью *замкнутости*, хотя абсолютной замкнутости достичь невозможно. Самые *эзотерические* секты и учения вынуждены уделять

внимание и *экзотерической* стороне системы, общаться с «непосвященными». Поэтому очень часто за истину принимались совершенно незначительные или подражательные идеи антисистемных учений и движений — очень характерна и показательна история религиозно-манихейских сект и революционных организаций. В этом ключе и формируется *антисистемная мифология* с ее первобытным дуализмом *сакрального и профанного*, являясь идеологической санкцией и идеологическим оправданием и воспроизводством квазиэтнического дуализма.

Нами предложена и сейчас разрабатывается следующая культурно-историческая типология феноменов терроризма: 1) религиозно-традиционалистский терроризм; 2) этноконфессиональный; 3) политико-идеологический (модернистский); 4) политико-религиозный (тоталитарный) и 5) культурно-виртуальный (посмодернистский) проекты. В пространстве современного глобализирующегося мира все эти проекты тесно переплетены и порой трудно различимы. И, тем не менее, предложенная типология вполне работает при интерпретации современной культурной феноменологии терроризма, прежде всего исламского.

Анализ культурно-исторической эволюции ислама показал, что ранний ислам перекодировал и переинтерпретировал культовые и культурные тексты и социокоды христианства и иудаизма, выступив как более доступный, упрощенный вариант монотеистической религии. Идеология исламского сектантства как в перспективе культурно-исторической эволюции (гностики, собственно манихейские секты, зиндики, исмаилизм и т.п.), так и в пространстве современности (ваххабиты, движение Талибан и другие носители *террористического проекта* в исламе) имела антисистемный характер. Характерными особенностями идеологии исламского сектантства являются: перекодировка смыслов концепта джихада как личного спасения в сугубо агрессивную матрицу обвинения в неверии и уничтожения неверных.

В этой связи следует также отметить, что на протяжении всей истории существования ислама концепция «джихада» выполняла достаточно противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных сил и движений, стремившихся использовать ее в первую очередь для мобилизации мусульман на достижение определенных целей (в том числе и духовно-культурных) и для оправдания тех или иных акций. Обращаясь к концептам джихада в *традиционном исламе*, можно отметить, что мусульманская теология в общей классификации предписаний Корана относит установления, касающиеся войны и мира, джихада, военнопленных, трофеев и отношений с «немусульманами» к разделу *кратких предписаний* в сочетании с детальными.

Коран не абсолютно последователен в этом вопросе. Многие аяты на первый взгляд противоречат друг другу, отсылая к нормам и ограничениям (в пределах дозволенного богословием). Понимание *джихада как священной войны за веру*, в защиту и за распространение ислама, является лишь одним из первоначальных концептов. Однако понятие джихад в исламе трактуется значительно шире. Слово «джихад» по-арабски означает также «приложение усилий», «усердие». Впоследствии именно это значение данного слова в исламе стало преобладающим по отношению к его первоначальному смыслу («сражение с врагами»). Пророк Мухаммед назвал военный джихад «*малым джихадом*», тогда как «*большой джихад*» подразумевает такую деятельность, которая, несмотря на сопряженные с этим жертвы, направлена на *совершенствование* общества и человека (прежде всего нравственное!) с тем, чтобы они руководствовались такими *моральными ценностями* как истина, справедливость, равенство и уважение к человеку, защищал их, поскольку они противостоят притеснениям и пророку, способствуют построению счастливого человеческого общества. Фактически на так понятом концепте «большого джихада» в наше время базируются многие проекты «мусульманского социализма».

Все вышеизложенное помогает нам органично подойти к рассмотрению культурно-исторических смыслов и идеологии *современного ислама*. Здесь закономерно возникают вопросы и проблемы: не является ли современное столкновение мира ислама с «американским империализмом» на самом деле столкновением мира традиционализма и мира модернизма, как ранее в случае с нашей, российской революцией 1917 г.? Характеризуя устремления исламского мира на новом цивилизационном витке, когда он оказался втянутым в водоворот западного мира модерна, нужно отметить, что ему чужд поворот в сторону интеллектуального или социального уединения. Однако, в настоящее время, перешагнув порог XXI столетия, можно сказать, что исламский мир по-прежнему как консолидированный субъект международной политики существует чаще только виртуально. Ряд причин социально-экономического, политического и религиозного характера привел к наличию *альтернативных проектов исламского мира*.

Одним из таких проектов является исламский *фундаментализм*. Фундаментализм – это религиозно-культурная установка, направленная на переосмысление утраченной, но чрезвычайно значимой традиции. Религиозный фундаментализм является оппозицией процессу десакрализации культуры. Иными словами, религиозный фундаментализм предлагает «веру помимо интерпретации», что на практике приводит к требованию принять идеологическую позицию его лидеров в качестве единственно верной. Соответственно, религиозный фундаментализм выступает против плюрализма мнений и толерантности, которые, с его точки зрения, неизбежно ведут к духовному релятивизму, т.е. к допущению равноправия многих истин даже в пределах одной религиозной традиции. «Возрожденчество» или «фундаментализм» – своеобразная реакция *отторжения модернизации*, ориентированной на западные модели (понятие «модерн» включает «настаивание» на настоящем, своего рода отклонение или девальвация того, что было давно, «во времена предков», активная нейтрализация и дисквалификация традиции, прошлого, уклонение от традиции). Идеология фундаменталистов носит ярко выраженную антизападную и антиглобалистскую направленность и характеризует данное течение в исламе как потенциально радикалистское.

Традиционалистский проект следует отличать от фундаменталистского, так как он характеризуется тем, что его сторонники (их еще иногда называют ортодоксами) выступают против каких-либо реформ ислама, за сохранение ислама таким, каким он сложился в эпоху добуржуазных социально-экономических, политических и культурных институтов и представлений. Современные традиционалисты, вместе с тем, уже не так строго придерживаются ультраконсервативного традиционализма и подчас сближаются с модернизаторами в толковании священных текстов, они готовы жить в мире и согласии со всеми и способны сотрудничать с властями, представляющими самые разнообразные политические системы и режимы.

Следующей проективной тенденцией в современном исламе выступает *модернизм*, который определяется тем, что его сторонники (их еще называют *реформаторами*) стремятся реформировать, приспособить мусульманскую догматику к нуждам современного развития, отбрасывая или замалчивая одни положения и развивая другие. Они настаивают на возможности синтеза ислама с современными западными либеральными (ранее – и социалистическими) ценностями и институтами.

Важным вопросом является определения соотношения между исламом, его идейными течениями (традиционализм, фундаментализм, модернизм) и исламским радикализмом (исламизмом). Исламизм называют *политическим исламом* или *политизированным исламом*. Вместе с тем исламский радикализм представляет собой лишь крайнюю, *маргинальную* (часто весьма агрессивную) часть всех течений в рамках политического ислама. Анализ идеологии и политической практики представителей самого крайнего, деструктивного исламистского радикализма – религиозно-

сектантского, *террористического проекта* в исламе наиболее репрезентативно вести на примере ваххабитов на Северном Кавказе и движения Талибан в Афганистане.

На фоне столкновения мира модерна и традиционализма происходит и борьба между ортодоксальным исламом и сектантскими (религиозно-террористическими) движениями. В последней четверти XX в., конфликтующие общественные системы обнаружили, что рядом с ними и во многом по их вине возникло «параллельное пространство», в котором находится могущественная и чудовищная по своим обычаям *антисистема*, действующая в «виртуальном времени». Международный терроризм превратился во влиятельнейшую *виртуальную мировую державу*, не имеющую ни единого «официального» центра, ни правительства, но оттого еще более опасную. Последнее обстоятельство позволило говорить о появлении *нового проекта*, реализующегося в пространстве ислама – сектантского религиозно-террористического экстремизма «бенладеновского», *виртуального типа*.

Заключение

Все изложенное позволяет сделать вывод, что культурно-идеологические архетипы и парадигмы исламского террора уходят в глубь времен, как в практику религиозных сект (иудео-манихейских, гностико-христианских и параисламских), так и в наработки светского терроризма, в том числе либерально-европейского (якобинцы) и европейско-социалистического (русские народники и социалисты). Исход борьбы между различными исламскими проектами важен как для судеб исламского мира, так и для мирового сообщества в целом.

PHENOMENOLOGY AND SYSTEMIC AND CULTUROLOGICAL DEFINITIONS OF TERRORISM

S.N.Borisov¹⁾, S.V.Reznik²⁾, V.P.Rimskiy³⁾,

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: sborisov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: reznik@bsu.edu.ru

³⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The categorical system-philosophical developmental work of phenomenon of totalitarianism and terrorism, which are synergetically conjugated in one systemic field and cultural and civilizational area, is given in this paper.

Key words: terrorism, modernity, postmodernity, phenomenology, systemic culturological analysis.